

DOI 10.31250/2618-8600-2021-3(13)-101-122

УДК 298.3(910)

М. В. Фролова

Институт стран Азии и Африки МГУ

им. М. В. Ломоносова

Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-9120-4671

E-mail: m.v.frolova@gmail.com

Современные формы фольклора о призраках Индонезии

АННОТАЦИЯ. Актуальность статьи определяется низкой степенью изученности некоторых образов призраков и нечисти (*ханту*) фольклора Индонезии как в исторической перспективе, так и в современной массовой культуре. Материалом послужили устные, письменные тексты, фильмы ужасов и Интернет-лор (фольклор, бытующий в сети Интернет, англ. *Internet-lore*). Прослеживаются этимология наименований и трансформация значений семи персонажей современной индонезийской демонологии. Типы этих персонажей обусловили трехчастную композицию статьи. Первая часть определяет исходное сакральное значение и указывает на деградацию джакартских представлений ряженных *ондел-ондел* и спиритических сеансов с куклами *джелангунг* и *нини товонг*. Выводы позволяют подтвердить наличие у *ондел-ондел*, *джелангунга* и *нини товонг* значительной доли китайского влияния, на котором долгое время было не принято делать акцент. Вторая часть посвящена призракам женщин, жертвам сексуального насилия, эти персонажи рассмотрены на примере образов *сундел болонг* и *сустер нгесот*. Показаны устойчивость мотивов изнасилования и мести, хорошо совместимых с киноязыком поджанра эксплуатационных фильмов ужасов¹. Третья часть исследует образы антропоморфных монстров-насильников: инкуба *гендруво* и колдуна-маньяка *колор иджо*, образ которого проходит инволюцию от городского фольклора к реальным криминальным событиям. Такие персонажи отражают рефлексию над неудобной для официальной культуры темой сексуального насилия через демонизацию и «хантуизацию» (авторский термин от слова *ханту* — ‘призрак’) реальных преступников и их жертв.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: призраки, индонезийская демонология, детский фольклор, постфольклор, Интернет-лор

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Фролова М. В. Современные формы фольклора о призраках Индонезии. *Этнография*. 2021. 3 (13): 101–122. doi 10.31250/2618-8600-2021-3(13)-101-122

¹ Англоязычный термин *exploitation horror films* — т. е. низкобюджетные жанровые фильмы, в данном случае — фильмы ужасов, эксплуатирующие популярную тему *ханту*. Такие фильмы полны сцен секса и насилия, в них присутствуют элементы боевика, комедии или мелодрамы; цель такого кинопроизводства — быстрый заработок.

M. Frolova

Institute of Asian and African Studies,
Moscow State University
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-9120-4671
E-mail: m.v.frolova@gmail.com

■ Modern Forms of Indonesian Ghostlore

ABSTRACT. The images of ghosts and ghouls (*hantu*) in Indonesian folklore remain understudied both in the historical perspective and in terms of modern mass culture. The present article, based on oral and written texts, films and Internet-lore, aims to fill this gap. This case study tracks the etymology and the further transformations of meanings of seven mythological creatures names. According to the types of characters and their lore, the paper is divided into three sections. The first part identifies the almost faded original sacred meaning of the Jakarta street mummies *ondel-ondel*, which are considered funny urban art for children, and reveals their desacralization. Then the focus of the study shifts towards séances with effigies called *jelangkung* and *nini thowong*. The conclusions confirm Chinese influence in *ondel-ondel* performances and ritual plays with effigies of *jelangkung* and *nini thowong*, this influence often going unnoticed. The second part of the study introduces narratives about female ghosts of victims of sexual violence called *sundel bolong* and *suster ngesot*. The author demonstrates the persistence of the plot structure about rape and revenge, which is well compatible with the cinema language of the *exploitation horror films*. The third part of the study analyses urban legends about anthropomorphic monster rapists, i. e. the incubus *gendruwo* and the maniac sorcerer *kolor ijo*, whose images can be traced back from the myth to the real criminal cases. Demonization and further “hantu-isation” (term created by the author from the root morpheme *hantu*, a ghost) of criminals and their victims creates the new ghostlore reflecting on the theme of sexual violence, which is inconvenient for the official culture.

KEY WORDS: ghostlore,
Indonesian demonology, childlore,
postfolklore, Internetlore

FOR CITATION: Frolova M.
Modern Forms of Indonesian Ghostlore.
Etnografia. 2021. 3 (13): 101–122.
doi 10.31250/2618-8600-2021-3(13)-101-122 (In Russ.).

РЯЖЕННЫЕ ОНДЕЛ-ОНДЕЛ

В колониальные времена столица современной Индонезии, Джакарта, называлась Батавия. Голландцы дали городу это имя в честь древнегерманского племени батавов; с тех пор смешанное население называется батави и выделяется в отдельную этническую группу (*suku Betawi*). Несмотря на усилия правительства Джакарты по сохранению традиционной культуры батави (например, в 2000 г. был открыт этнопарк Сету Бабакан), в наши дни трудно говорить о культуре батави как о самостоятельной единице, так как глобализованный мир столицы поглощает все элементы прошлых влияний, среди которых, наряду с европейским, арабским, сунданским и яванским, несомненно выделяется китайский. Тем не менее культура Джакарты обладает и своими яркими компонентами, будь то особая кухня, музыка или джакартский диалект индонезийского языка.

Одним из подобных ярких образов культуры батави считаются представления ряженных *ондел-ондел* — пары кукол выше человеческого роста (2,5 м) в одеждах жениха и невесты непременно участников всех празднеств и карнавалов. Внутри кукольных костюмов находятся актеры-аниматоры, они ходят и пританцовывают под музыку, чаще всего — под детскую песню Беньямина Суиба (см. об этом далее). Название *ondel-ondel* происходит от лексемы *gondel-gondel*, что на джакартском диалекте означает ‘висеть, качаться как маятник’, так как при ходьбе *ондел-ондел* раскачиваются (Nasiri 2016). *Ондел-ондел* можно увидеть на дне города (22 июня)²; на детских праздниках (например, на обрезании); кроме того, обычно они ходят по туристическим местам столицы и развлекают прохожих. Изначально хождения имели апотропейный характер. Парные фигуры представляли собой предков, которых водили по кругу (*ngarak* — джакартский глагол, родственный понятию ‘церемониальное шествие’, *arak-arakan*), чтобы отогнать духов болезней. Подобно обращению с яванскими реликвиями (оркестром *гамеланом* или кинжалом *крисом*), *ондел-ондел* делали подношения (*sesajen*) в виде каши из красных и белых ингредиентов, семи типов *руджака* (традиционного блюда из овощей и фруктов), семи видов цветов и дыма благовоний. Воскурения сопровождалось чтением заклинаний (*mantra-mantra*).

Современный текст, породивший прочные ассоциации с *ондел-ондел*, представляет собой детскую песню автора Беньямина Суеба на джакартском диалекте. Она была создана в 1971 г. По жанру песня относится к потешному фольклору. Она сюжетна: во время праздника у *ондел-ондел* загорелись волосы (которые делают из волока пальмы), но потом пожар потушили помоями, что разрядило напряжение и создало комический

² Годом основания Джакарты (*Jayakarta* — ‘победоносный город’) на месте рыбацкого поселка Сунда келаса (*Sunda kelapa* — ‘сунданский кокос’) считается 1527-й, когда Фатахиллах, главнокомандующий войсками султаната Демак, изгнал португальцев.

эффект. Текст песни содержит бессмысленные восклицания, характерные для детского фольклора.

*Nyok kite nonton ondel-ondel (nyok!)
Nyok kite ngarak ondel-ondel (nyok!)
Ondel-ondel ade anaknye (booyy!)
Anaknye nandak gel igelan (ooyy!)*

Давайте посмотрим на *ондел-ондел* (давай!),
Давайте походим с *ондел-ондел* по кругу (давай!),
У *ондел-ондел* есть дети (*бооой!*),
Дети притоптывают и пританцовывают (*ооой!*).

*Mak Bapak ondel-ondel ngibing (ser!)
Ngarak penganten disunatin (serrr!)
Nyang nonton rame ke girangan (dutt!)
Ikut ngarak iring iringan*

Мама и папа *ондел-ондел* шатаются (*сррр!*),
Идет шествие на праздник обрезания (*сррр!*),
Кто смотрел, все вместе пошли веселиться, (*дуттт!*)
Присоединились к шествию.

*Pak pak dung pak dung pak pak pak
gendang nyaring ditepak
Nyang nonton girang pade surak surak*

Пак пак дунг пак дунг пак пак пак
бьем в барабаны,
Кто смотрит на нас, уже радостно кричит,

Tangan iseng jailin kepale anak ondel-ondel

Руки сами нашалили и и подожгли
детям *ондел-ондел* голову,

*Taroin puntungan
Rambut kebakaran*

Оставили там окуроч,
Волосы и сгорели.

*Anak ondel-ondel jejingkrakan (krakkk)
Palenye nyale bekobaran (bulll!)
Nyang nonton pade kebingungan (ngunggg!)
Disiram air comberan (byurrr!)*

Дети *ондел-ондел* так и прыгают (*краккк!*),
А огонь всё разгорается (*буллл!*),
Зрители все растерялись (*нгунггг!*),
Но потом облили их водой из грязной канавы (*бьюррр!*)³.

(Adryamarthanino 2020; Zefan 2012)

В фольклористике принято считать, что десакрализованный фольклор взрослых теряет свой статус и переходит в ранг детского. Малые

³ Здесь и далее перевод автора статьи, кроме специально оговоренных случаев. Для перевода с джакартского диалекта был использован словарь Абдула Хаера (Kamus Dialek Melayu Jakarta... 1976).

жанры фольклора обычно бытуют в детской среде, они создаются и передаются детьми, но известны и взрослым, как, например, расхожая малайская фраза с выраженными поджанровыми характеристиками дразнилки:

*Kura-kura di dalam perahu
Pura-pura tidak tahu.*

Черепаша в лодке притворяется,
Что ничего не знает.

Так говорят про тех, кто и так знает ответ, но задает каверзный вопрос. Паремия, породившая шуточный дублер, не содержит иносказаний, но используется сейчас мало:

*Pura-pura tidak tahu
Belum ditanya, sudah mau.*

Спросишь — не знает,
Предложишь — хватает.

(Большой индонезийско-русский словарь... 1990, т. 2: 171).

Другая детская присказка на индонезийском «пришел без приглашения, ушел без проводов» (*datang tak diundang, pulang tak diantar*) также известна и детям, и взрослым. Это зачин заклинания для вызова духа *джелангунга* с помощью самодельной куклы.

СПИРИТИЧЕСКИЕ СЕАНСЫ: ДЖЕЛАНГУНГ И НИНИ ТОВОНГ

*Jelanjung Jelangsat,
Di sini ada pesta,*

*Джелангунг-джелангсат,
Здесь праздник,*

*Pesta kecil-kecilan,
Jelangkung Jelangsat,*

*Праздник скромный-маленький,
Джелангунг-джелангсат,*

*Datang tidak diundang,
Pergi tidak diantar.*

*Пришел без приглашения,
Ушел без проводов.*

Слово *джелангунг* (варианты: *jelangkung/jailangkung/jelangkung*) китайского происхождения (изначально *чай лань гун, say lan gong* 菜篮公), этимология его восходит к словам «предки» или «бог овощной корзины» (*dewa keranjang sayur*) на южнофудзяньских диалектах, распространенных среди китайцев Нусантары (Chan 2018: 2). В настоящее время лексема *jelangkung* вошла в индонезийские словари и имеет значение «кукла» (*boneka*). Уточняется, что это именно «чучело (*orang-orangan*), снабженное письменными принадлежностями у крестообразного основания, используемое для вызывания духов мертвых». Причем «дух “входит” в куклу, и начинается сеанс вопросов и ответов. Ответы духа кукла записывает сама, “своей рукой”» (Kamus Besar... 2018).

Куклы часто становятся медиаторами в играх-сеансах вызывания духов. Вызывание представляет собой промежуточный вариант между магией и игрой, которые проводятся детьми в целях развлечения и проверки на храбрость среди своей компании. «Созданная на основе законов подобия, кукла является одним из способов существования такого тождества, которое издревле помогало человеку осваивать мир, понять его и, что особенно важно, влиять на него. Именно в таком качестве — двойник человека, его символический заместитель, вместилище его души — кукла существовала в представлениях и верованиях самых разных народов» (Лойтер 2001: 90–91).

Фабулат «Джаелангкунг», записанный индонезистом Робертом Коригодским (издано в 1988 г.), подтверждает, что еще во второй половине XX в. эта детская игра была не только детской и, что любопытно, считалась незаконной, так как, вероятно, относилась к ритуалам черной магии.

Каждому человеку любопытно узнать, что его ожидает в будущем. И узнать это не очень трудно. Нужно только заранее сделать некоторые приготовления: сходить на базар, купить большую деревянную кухонную ложку, детскую шапочку и распашонку и пару пакетиков ладана «дупо ратус».

Потом к черенку ложки прибивают поперечную планочку, на которую надевают распашонку. Вторую поперечную планку прибивают пониже: это ручки, за которые медиум держит куклу.

На выпуклой стороне черпака краской рисуют глаза, нос и рот. На эту импровизированную голову надевают шапочку. *Джаелангкунг* почти готов. Остается только привязать ему на шею ключ от всячего замка, а в наклонное отверстие, просверленное в черенке, вставить заточенный карандаш.

О предстоящем сеансе спиритизма по секрету сообщите самым близким друзьям. Они охотно примут ваше приглашение. Болтливых не приглашайте: не дай Бог слух дойдет до полиции — неприятностей не оберетесь. В полночь с четверга на пятницу вы вместе с гостями запираетесь в комнате, что ближе к заднему двору, занавешиваете окна и начинаете курить фимиами. Потом вы садитесь за стол, берете в руки куклу, а ключ, что болтается на веревочке у нее на шее, опускаете в чашечку с крепким кофе. Ваша кукла жадно пьет, а вы читаете заклинание: «*Джаелангкунг-джаелангсенг*, ками адакан пэста кэчил, минта супая датанг» [то есть *kami adakan pesta kecil, minta supaya datang* — «мы устраиваем небольшой праздник, просим прийти». — М. Ф.]. И так долго, долго, до тех пор, пока... «трык» и вы почувствовали, что кукла потяжелела. Значит, в нее вселился дух умершего. Теперь не тяните время, а сразу задавайте первый вопрос. Вначале из вежливости спрашивают, как его зовут, кто он такой, где жил, когда умер. А потом, когда ваш гость разговорится, можно переходить к делу: он с готовностью ответит на все ваши вопросы.

Как он отвечает? Очень просто: в письменном виде, то есть пишет карандашом на листе бумаги, который вы положили перед собой на столе.

Единственная загвоздка, которая может случиться, — это языковой барьер: если ваш гость был яванцем, то он будет писать значками яванского письма «чаракан» [*чаракан* или *оночороко* — традиционное консонантно-слоговое яванское письмо. — М. Ф.].

Ну а если он был китайцем, то и того похуже.

И лишь изредка случается, что он вообще ничего не пишет: он был неграмотным. Значит, вам не повезло. До следующего четверга! (Коригодский 1989: 77–78).

Китайская диаспора Индонезии проводит сеансы с джелангкунгом в китайских храмах во время праздников. Изначально кукла джелангкунг использовалась знахарями как сосуд-вместилище для духов, вызываемых к больным для диагностики болезней (Chan 2018). В своей следующей стадии бытования *джелангкунг* стал фигурировать в «страшных» детских играх, которые с недавнего времени эксплуатируются в низкобюджетных хоррор-фильмах индонезийского производства (в том числе и с одноименным названием). Ошибка в вызывании духа и тем более ошибка в его препровождении обратно может быть фатальной. «Джелангкунг» режиссеров Ризала Мантофани и Жозе Пурномо стал самым кассовым индонезийским хоррор-фильмом в 2001 г. В 2003, 2007, 2011 и 2017 гг. выходили и другие фильмы ужасов на ту же тему. Сборники рассказов о встречах с призраками и нечистью (*cerita hantu*) часто включают *джелангкунга* в эту «призрачную вселенную» (*dunia hantu*) наряду с призраком погибшей в родах женщины *кунтиланак* (Фролова, Лунёва 2019) и выпрыгнувшим из могилы мертвецом в саване *почонгом* (Фролова 2021). В газетах периодически появляются новости о массовом трансе школьников, одержимых духом *джелангкунга* (Suparman 2014).

Для некитайского населения Индонезии, причем преимущественно школьного возраста, *джелангкунг* из объекта для вселения духа умершего, вещающего с того света, сам становится духом, то есть становится *ханту*, проходит «хантуизацию». Как *ханту* он сам может вселяться в людей и вызывать тем самым массовый транс⁴.

Схожий процесс можно наблюдать и при изучении ритуала с куклой *нини товонг*. У изначально китайского спиритического сеанса с куклой *джелангкунга*, сооруженной из подручных материалов (корзина, рубашка), есть и считающийся абсолютно яванским дублет — вызывание духов через куклу *нини товонг* (*Nini Thowok/Nini Towong*). Однако цели проведения сеанса отличаются, они не ограничиваются вопросами к умершим.

⁴ О значениях и этимологии слова *ханту* см.: (Фролова 2021: 358–359).

Ритуальная игра с *нини товонг* может проводиться для заклинания дождя, лечения, обретения богатств (*pesugihan*), поиска пропавших вещей (Ulivia 2018: 61).

Нини товонг — это яванский ритуал вызывания дождя, для которого используют чучело, голова его — черпак из скорлупы кокосового ореха, закрепленный на «теле» корзины. Душа мертвого входит в куклу, и она оживает, чтобы ответить на вопросы участников ритуала. В отличие от грамотного *джелангунга*, *нини товонг* может только стучать, кивать и показывать пальцем (Chan 2018: 96).

Долгое время специалисты считали происхождение действия исконно яванским, так как именно в среде яванцев была известна детская игра с куклой *нини товонг*. Игра считалась рудиментом древнеяванского аграрного ритуала.

Название куклы тоже яванское, *nini (ni)* — «женщина», «госпожа», *thowong* — производное от слова *wong* («человек»). Также «*nini* на яванском означает *embah wedok*, то есть “женщина в возрасте”, “бабушка”. *Thowong* означает “пустой”. *Нини товонг* — это дух предка, старой женщины, который может поместиться в пустое место (куклу)» (Ulivia 2018: 59). Р. Вессинг описывает сеанс с *нини товонг* так: кукла делается из черпака для воды, рыболовной сети, пестика и ступки для рисовых зерен. Ее одевают как невесту; ритуальная игра предполагает ведущую, обычно пожилую женщину, которая играет вместе с девочками. Куклу следует доставить на место, населенное духами (*angker*). Это может быть место под деревом с раскидистыми ветвями, старый колодец, кладбище. Девочки начинают петь: «Мы пришли и принесли ребенка с чесоткой духу-хранителю». Во время пения жгут благовония и ставят подношения. Если все сделано правильно, небесная фея *видодари* вселяется в куклу. *Нини товонг* оставляют на месте и расходятся. Поздно вечером, при полной луне, за куклой приходят снова. Теперь с ней обращаются как с невестой и просят присоединиться к девочкам в их игре. Девочки задают кукле вопросы, на которые она условно реагирует. Кукла начинает двигаться, подавать знаки-ответы. В полночь игру следует прекратить, за что отвечает пожилая женщина. Зачастую после сеанса куклу уничтожают (Wessing 1999).

Для современных индонезийцев она — «сестра *джелангунга* из Бантула» (Bwso2015 2014). Округ Бантул стал туристическим объектом на карте Явы именно потому, что его деревни по-разному преподносят игру с *нини товонг*: в деревне Грудо традиция сохраняется, а в деревне Чандран *нини товонг* стала развлекать туристов (Ulivia 2018: 60).

Профессор Ки Касиди Хадипраитно из Университета искусств Джокьякарты описал ритуал на материале района Пундонг (округ Бантул,

особый округ Джокьякарта), но не уточнил, в какой деревне происходило действие. Хадипраитно также указывает, что нужно соблюдать требования и предписания по изготовлению куклы и проведению обряда непременно в особом месте (*wingit*), у гробницы, большого дерева на отшибе деревни, и у других священных мест (*keramat*). Обряд сопровождается заклинанием:

На яванском:	На индонезийском:	Перевод на русский:
<p><i>Rame gugup, wanci surup, Nini Thowong le manggut- manggut, Siwur direka-reka pacakane kaya wong duwe nyawa, Diklambeni, setageni biyung sing duwe sapu diunyak-unyak, Sing nakal galo cakoten.</i></p>	<p><i>'Riuh rame tepat waktu matahari terbenam, Nini Thowong mengangguk-angguk kepalanya Siwur direka dibuat sedemikian berbusana seperti orang punya nyawa Pakai baju, mengenakan setagen orang tua perempuan yang membawa sapu dikejar- kejar, Siapa yang nakal kejarlah, Nini Thowong yang nakal itu gigitlah'.</i></p>	<p>Веселье на закате солнца, Нини Товонг кивает головой, Черпак прилажен так, словно в наряде она живой человек, старая женщина с мет- лой, которой гонит она Тех, кто плохо себя ведет, кто хулига- нит — кусает.</p>

(Hadiprayitno 2013: 104–105).

Последние строки означают, что если *нини товонг* будет недовольна поведением зрителей, то она будет «кидаться» на них и даже немного «бить».

В описанном Хадипраитно случае кукла *нини товонг* является персонализацией богини риса Девы Сри. Отождествление *нини товонг* с богиней риса крайне неявно следует из традиции. В индианизированной мифологии сунданцев, яванцев и балийцев Сри, сестра и/или супруга Седоно (или хтонического бога Висну, *mutatis mutandis* индуистского Вишну), погибает, и из разных частей ее тела произрастают полезные злаки и растения, в том числе рис. Мифы о богине сохранены в виде детских сказок и прошли характерную «цензуру»: из большинства текстов о Сри исчезли сцены инцеста, насилия и расчленения. В крестьянской культуре богиня риса Девы Сри изображается в виде плетеной куклы. Сейчас такие куколки служат украшением домов, садов, кафе.

В настоящее время деградация культа Девы Сри связана не только с процессом исламизации современного типа, но и со спадом сельского хозяйства, культуры рисоводства и урбанизацией самого густонаселенного острова страны, на котором проживают 56,1% всего населения Индонезии⁵. Богиня риса почти полностью потеряла свои сакральные позиции в жизни деревни. Предположительно этот фактор стал предпосылкой для сложения нового лора — через внешнее сходство кукол *нини товонг* и Девы Сри формируются новые, якобы традиционные нарративы, сочетающие в себе исконно яванские темы рисоводства, плодородия и аграрной магии с «новоделом», отвечающим коммерческим запросам.

Сингапурская исследовательница М. Чэн указывает на яванизацию исконно китайского сеанса прорицаний с куклой *нини товонг*. Базовая конструкция из корзины и черпака (аналог *джелангкунга*) приобретает лицо, напоминающее белые маски благородных героинь традиционного яванского театра ваянг. Чэн описывает свой полевой материал: в деревне Грудо процессия вызывающих духа отправляется на кладбище в темное время суток (около 19 часов). Так сохраняется поддержание связи с миром мертвых — кто-нибудь из обитателей кладбища соизволит войти в куклу после воскурения благовоний и просьб заклинателя (*pawang*). *Нини товонг* как медиатор связи с духами предков гарантирует успешный аграрный цикл и приобретает черты богини плодородия. Так как эта позиция уже занята богиней риса Девы Сри, их образы сливаются воедино, тем более что для современной Явы рисоводство не является важным занятием в силу многих причин.

В детском фольклоре *нини товонг* практически не появляется как *ханту*. Из рассмотренного материала только *джелангкунг* попадает в эту категорию и становится самостоятельным актором страшилок, способным вселяться в детей и вызывать их массовую одержимость. Прозаический фольклор о призраках, жанр *черита ханту*, (индон. *cerita hantu*, англ. *ghostlore*) циклизуется в детской и подростковой среде, у водителей такси, мототакси (*ojek*) и моторикш (*becak*), он также привязан к определенным университетским кампусам. Приведем пример некоторых сюжетов по академическому изданию «Фольклор Нусантары» (Folklor Nusantara 2013). Целая глава профессора Ахмади посвящена фольклору о призраках (Ahmadi 2013).

В Государственном университете г. Сурабайи (Unesa), провинция Восточная Ява, записаны со слов преподавателя изобразительных искусств соответствующие фабулаты. По его рассказу, на третьем этаже иногда появляется «большой и мохнатый призрак с большими красными горящими глазами».

⁵ То есть 151,6 млн из 270,2 млн населения Индонезии (данные Центрального статистического бюро о последней переписи населения 2020 г.) (Sensus Penduduk... 2020).

По словам студента Рахмана, в его отделении, на втором этаже, обитает «призрак женщины с длинными волосами». Говорят, она покончила с собой на том месте, где сейчас находится отделение германистики. В Университете Аирлангга (UA) на факультете культурологии, по словам студента Махруса Суюти, иногда «мелькает тень девушки в джилбабе», а на втором этаже показывается «дед с длинными волосами, который любит поиграть на гамелане» [оркестр ударных музыкальных инструментов. — М. Ф.]. Здесь же рассказывают, что на третьем этаже в женском туалете «часто мелькают отражения в зеркале». В музыкальном классе пианино играет само по себе. В Технологическом институте 11 ноября г. Сурабайи (ITS) рассказывают об охраннике-призраке (*satpam hantu*), а в большой аудитории ровно в полночь раздастся гонг и появляется *сундел болонг* (Ahmadi 2013: 235–237).

ПРИЗРАКИ-ЖЕРТВЫ: СУНДЕЛ БОЛОНГ И СУСТЕР НГЕСОТ

Имя призрака *сундел болонг* состоит из двух корневых морфем: *sundel* (разговорная форма от *sundal* — ‘плохое поведение’, ‘разврат’ [применительно к женщинам]) и *bolong* (разговорное ‘дырявый’).

Опыт женщин, которые когда-то были проститутками, изменяли мужу, танцевали *ронггенг*⁶, работали в модельном бизнесе и практиковали сексуальную свободу, подарил этому призраку название *сундел* — на яванском «нахальная», «кокетливая», «искусительница мужчин», «проститутка». *Болонг* относится к «физическим» характеристикам — это женщина с дырой на спине, которая напоминает открытую глубокую рану, и это основное, что выделяет *сундел болонг* на фоне других призраков (Agustianingsih, Rostiyati 2019: 65).

При этом «отвратительная, кишасящая червями дыра на спине — метафора вагины проститутки и потенциальные венерические болезни» (Фролова, Лунёва 2019: 180). Эта мысль визуализирована в хоррор-фильме «Ночь на яванскую пятницу» (*Malam Jumat Kliwon*) 1986 г. в сцене, где у героини «из раны на спине рождается младенец» (Agustianingsih, Rostiyati 2019: 66). Смещенная вагина как телесная аномалия — яркий призрак *ханту*, при этом у персонажей демонологий мира вообще почти обязательным является наличие отклонения от обычного физического облика — третий глаз, копыта вместо ступней, отсутствие ног и т. д.

Сундел болонг стала героиней многочисленных устных мифологических рассказов о встречах с ней. Такие фабулаты зачастую вторичны.

⁶ *Ронггенг* (*ronggeng*) — эротический танец, так называют и саму танцовщицу, обыкновенно из низших слоев населения. Общеизвестно, что *ронггенг* могут оказывать сексуальные услуги за вознаграждение.

Приумножению народного мифотворчества способствуют тиражированные образы из хоррор-фильмов. Яркая социальная и откровенно эротико-порнографическая тематика нашла множество воплощений на экране в тех фильмах, которые индонезийцы называют «дешевкой» (*film murahan*) в противовес «национальным фильмам» (*film nasional*), которые полны инспиративных идей и отличаются значительно более высокими художественными достоинствами (Downes 2014). «Порно-хорроры» полны сцен насилия, которое происходит в нечистых локусах, обычных для появления и обитания призраков. Одним из таких локусов считается больница. Не только фильмы, но и индонезийские сборники рассказов о призраках (*cerita hantu*) часто содержат рубрику «больничные призраки» (*hantu rumah sakit*). Самый знаменитый нарратив такого плана, имеющий множество киноадаптаций и пересказов (устно и в Интернете), — история о *сустер нгесот* (*suster ngesot*) — Ползущей медсестре.

В 1939 г. в одной из старых больниц Батавии работала девушка Марта⁷. Она была красива и остра на язык и всегда дерзила мужчинам, которые отпускали ей вслед непристойные комплименты. Многие увивались вокруг красавицы, но она всем отказывала. Однажды один фельдшер отвел ее на склад, заткнул рот кляпом и усыпил хлороформом. Несколько медбратьев и врачей изнасиловали Марту, и когда она пришла в себя, задушили ее и спрятали тело в бывшей туалетной комнате за больницей, быстро выкопали яму, положили труп в неестественной позе, переломав ноги, заложили кирпичами и залили цементом (так как там шла стройка!). С тех пор медперсонал всей Индонезии побаивается ночных дежурств (Kisah Tanah Jawa... 2019: 126–128). Фильм «Ползущая медсестра» стал самым кассовым в индонезийском прокате в 2007 г.; *ханту* изнасилованной и убитой медсестры «пробуждается» (*bangkit*) в общежитии для студентов-медиков и мстит всем, кто изменяет своим партнерам, следуя макросценарию молодежных *слэшеров*⁸.

Фабулаты об изнасиловании вторят общей структуре нарратива *черита ханту* (Фролова 2021: 362). Функционально такой сценарий выглядит так. Молодая женщина нарушает общепринятые правила морали, например, занимается сексом до брака со своим возлюбленным или становится проституткой (А — отправная точка, нарушение изначальной гармонии), далее она сталкивается с некоторыми предчувствиями и предзнаменованиями (*fricasat*) (В — предчувствие беды). Наступает беда (С). Мужчина либо бросает героиню беременной (С1 — несчастье/нежелательная беременность), либо ее вожделеют многие, но она ведет себя с ними высокомерно и отказывает, переживает изнасилование

⁷ Чаще всего речь идет о больнице имени Чипто Мангункусумо, основанной в 1919 г. (Dewi 2020).

⁸ *Слэшер* (англ. *slasher*) — субжанр хоррора, в котором ожидаемо происходит череда убийств. Например, «Техасская резня бензопилой», «Хэллоуин», «Кошмар на улице Вязов» и т. д.

и/или групповое изнасилование хулиганами, бандитами, военными и т. д. (С2 — несчастье/изнасилование и беременность в результате).

Далее идут последствия (D). Женщина погибает в родах (D1 — самый древний мотив), в результате неудачного подпольного аборта (D2), в родах нежеланного ребенка от насильника (D3) или при аборте, пытаясь избавиться от нежеланного ребенка насильника (D4). Несчастливая жертва становится *hantu* (D), и дальнейшие действия определяются предикативом *gentayangan* ('неприкаянно скитаться'). Она привязана к месту своей гибели. Далее следует эпизод, обозначаемый всегда устойчивым словосочетанием *penampakan hantu* (явление нечисти). Это главная часть былички, кульминация (E) — явление истинного лица таинственного встречного, момент узнавания нечисти человеком. В отличие от быличек о простых людях, которые случайно увидели скитающегося *ханту* и спаслись, в фабулатах с предысторией (про жертв насилия) *ханту*-жертвы настигают своих насильников и убийц. Преступники гибнут (F — свершившаяся месть). Иногда есть и «эпилог» — появление колдуна (*dukun*), священника (*pendeta*), мусульманского богослова (*kyai*) и т. п., которые снимают проклятие с призрака, и он успокаивается (G — успокоение/изгнание призрака).

Четкая структура народного рассказа, превращенная в киносценарий, имеет одну яркую особенность. Для народного рассказа неважно, кто совершает насилие; важно недостойное поведение жертвы и наказание. При постепенной беллетризации народного рассказа, формировании циклов в Интернете все больше внимания уделяется фигуре насильника.

ИНКУБ ГЕНДРУВО И КОЛДУН-МАНЬЯК КОЛОР ИДЖО

Малайско-индонезийский мифологический образ сексуального насильника представлен разными персонажами. Интересно, что тексты о жертвах, ставших *ханту* наподобие *сундел болонг*, не пересекаются с текстами, в которых центральной силой выступают образы насильников.

Яванцам и сунданцам известен *ханту гендруво* (яв. *genderuwo*, сунд. *gandaruwo*). Он входит в категорию «любопытных душ» (*arwah penasaran*). Иногда говорят, что это самоубийца, иногда — что это неправильно похороненный или же вовсе не захороненный покойник. Как и у всей нежити, местами обитания *гендруво* являются водоемы, заброшенные здания, сырые и темные углы, деревья, чьи ветви отбрасывают широкую тень: «Говорят, что чаще всего *гендруво* можно встретить в лесу Кулон Прога в шестидесяти километрах к западу от Джокьякарты» (Wikanjati 2010: 39). Его представляют большим волосатым обезьяноподобным чудищем с темно-красной кожей. Обычно призрак невидим для людских глаз, но может появиться перед человеком по своему желанию. *Гендруво* — инкуб, он является одиноким женщинам, которые

рожают от него странных детей. Соблазнитель-чудище *гендруво* предстает перед женщиной в облике уехавшего или умершего мужа. Этимон слова — санскритизм *гандхарва*, полубожественный музыкант и певец, супруг небесной девы-*ансары* в индуизме. Словом *гандхарва* обозначался также тип брачных отношений, заключенных без свадебных ритуалов, согласия родителей и свидетелей, только лишь на основе взаимного влечения. Вероятно, что под влиянием ислама яванского *гендруво* стали называть джинном, а сам он приобрел inferнальные черты мифологического насильника. Тем не менее *гендруво* больше известен как шаловливый дух; он не убивает своих жертв. Иногда о нем говорят без привязки к эротическим похождениям, он может просто морочить путников в лесу. Иная картина складывается с одним из самых «молодых» призраков демонологии Индонезии — *колор иджо*.

В начале 2000-х индонезийцы заговорили о новом призраке в виде лысого, зеленого (*ijo* — яванизм от *hijau* — «зеленый») антропоморфного существа в зеленых трусах-шортах (*kolor*). Фабулаты о нем пересекались со слабоструктурированными текстами — слухами и сплетнями о том, что в него можно превратиться в результате обряда *песугихан*, ритуала обогащения за счет службы темным силам. В условия «дьявольского договора» входило изнасилование жертв. Впервые о *колор иджо* заговорили в поселке (*kampung*) Чидженгкол, в Бекаси (пригороде Джакарты) в октябре 2003 г. Одна женщина заявила, что ее изнасиловал таинственный зеленый человек на глазах у двухлетнего сына и свекрови. После случая в Чидженгколе подобное стало происходить по всей Яве. В народе считалось, что противодействовать насильнику в облике *колор иджо* можно, повесив перед домом желтый бамбук или лист масличной моринги (*daun kelor*) (Faisol 2014; Jaelani 2018)⁹. На основе этих слухов был снят низкобюджетный 26-серийный мистический детектив (*sinetron*) про маньяка и журналистское расследование. По сюжету в пригороде Джакарты происходит череда убийств, необъяснимых смертей, изнасилований и грабежей, а виной всему является местный житель, заключивший сделку с нечистой во имя обретения мистических сил (*sakti*) (Sinetron Kolor Ijo... 2015). Сериал отразил настоящие панические настроения в пригородах Джакарты, на тот момент не имеющие никаких реальных оснований, судя по полицейским сводкам.

⁹ Название растения *kelor* созвучно *kolor* — видимо, это частный случай имитационной магии.

ВЫВОДЫ

При изучении некоторых современных форм индонезийского городского, детского фольклора и Интернет-лора возникает идея поделить материал на три тематические группы, соотносимые с фольклорным антимиром детей, женщин и мужчин. Строго говоря, в первой группе нет призраков детей (таких как *туяул*), но эта тема заслуживает отдельного рассмотрения. В «детской секции» фокус исследования направлен на современные игровые практики жителей острова Ява: столицы Джакарты и яванского города Джокьякарты. Ряженные *ондел-ондел* выделяются из остальных рассмотренных случаев тем, что по сути являются гибридной формой городского и детского фольклора. Актер-аниматор надевает на себя костюм, сделанный мастерами-ремесленниками. Ростовые куклы танцуют на праздниках под мелодии и песни, среди которых выделяется авторская детская песня на джакартском диалекте с комическим сюжетом. Индонезийские интернет-источники редко касаются вопроса о том, откуда и когда появились *ондел-ондел*, внимание сконцентрировано либо на процессе изготовления, либо на сопроводительной песне. Исторически сложилось, что население современной Джакарты, равно как и ее предшественницы Батавии, колониальной столицы Нидерландской Ост-Индии, обладало значительным процентом выходцев из южнокитайских провинций. Можно предположить, что *ондел-ондел* появились под китайским влиянием и ассимилировались, но этот вопрос требует дальнейшей проработки. Являясь персонажем городского фольклора, *ондел-ондел* характеризуются высокой степенью приспособляемости к массовой культуре, их изображения печатаются на сувенирах. Ростовые куклы сегодня уже не идентифицируются как сакральные объекты, исходный их смысл как персонификации духов-хранителей дискредитируется за счет эксплуатации *ондел-ондел* попрошайками (*pengamen*) для сбора подаяний от прохожих (Nailufar 2019).

Джелангкунг и *нини товонг* — антропоморфные чучела «бога из корзины». Они — вместилища духов предков, вызываемых на сеанс предсказаний. В отличие от *ондел-ондел*, в китайском происхождении *джелангкунга* никто не сомневается, но интересно, что современные сборники рассказов о призраках включают *джелангкунга* в пандемониум *ханту* Индонезии. Парным персонажем можно считать *нини товонг*, женскую фигурку для вызова духов. Игровой ритуал хорошо ассимилировался и, уже не выделяясь на фоне других форм яванского фольклорного действия, считается исконно яванским — вплоть до того, что появились предположения, будто *нини товонг* связана либо с прародительницей всех яванцев (Rassers 1982: 36), либо с женским божеством, местной *Magna Mater*. Исходя из предположения, что *нини товонг* и богиня Южного моря Ньяи Роро Кидул тождественны, Р. Йордаан возводил их

происхождение к общему малайско-полинезийскому женскому божеству плодородия (Jordaan 1984: 110, 113, note 10). Традиционный взгляд яванских и западных антропологов связывал сеанс с *нини товонг* с яванской магической игрой девочек, вызывающих *видодари* или Девы Сри. Небожительницы и богиня риса прошли путь «хантуизации», были низвергнуты в ранг низшей мифологии. Современные яванские собиратели фольклора также фиксируют связь *нини товонг* с культом богини риса Девы Сри. Песни в ритуале, исполняемые на яванском, а также коммерциализация ритуала вызывания духов в местечке Бантул (провинция Центральная Ява) подтверждают вторичную фильтрацию этой игры с перетягиванием ее в поле яванской культуры. Отсутствует единое мнение, кто именно вселяется в *нини товонг*. Среди рассматриваемых вариантов были и небесные нимфы *видодари*, и богиня риса, и души мёртвых с мусульманского кладбища. Чэн опровергает это положение, приводя примеры соответствий с куклой *джелангкунга*, и ставит *нини товонг* в один ряд с китайским игровым ритуалом вызывания духов. Она высказывает предположение, что классические исследования игнорировали степень китайского влияния на индианизированную домусульманскую культуру Индонезии. Тем не менее связь с плодородием есть и в китайской версии: по мнению Чэн, *нини товонг* — это Пурпурная леди (*Zigu*, 紫姑), богиня отхожих мест, покровительница плодородия (Chan 2017: 105).

Три рассмотренных игровых действия (*ондел-ондел*, *джелангкунг* и *нини товонг*) демонстрируют китайское влияние, что позволяет еще раз иначе взглянуть на китайский вклад в современную паниндонезийскую культуру мусульманского большинства, печально известную своей синофобией.

Вторая группа призраков представлена двумя примерами. Образ *сундел болонг* относится к целой группе *ханту* молодых женщин, умерших в родах или насильственной смертью (подробнее о родственных призраках-роженицах см.: Фролова, Лунева 2019). *Сундел болонг* символизирует падшую женщину, убитую насильником. В обход цензуры индонезийские хоррор-фильмы часто подробно показывают, как распознать в легкомысленной соблазнительнице и охотнице за легкими деньгами будущую жертву — *сундел болонг*, которая будет не только мстить своим насильникам, но и досаждать всем встречным. Страшная мертвая женщина в окровавленном белом платье и с огромной дырой на спине — оборотная сторона той красавицы, которая не только испытала на себе сексуальную объективацию, но и стала жертвой насилия. Если *сундел болонг* чаще всего изображается убитой проституткой (либо же женщиной с темным прошлым), то *сустер нгесот* — Ползущая медсестра — наказана лишь за свой непокладистый характер и постоянные дерзкие отказы настойчивым ухажерам. Нарративы о таких призраках всегда сводятся к желанию отомстить убийцам и насильникам.

Третья группа призраков наиболее любопытна с точки зрения соприкосновения с реальным криминальным миром. Первый из *ханту*, *гендруво*, скорее, выглядит весьма безобидным на фоне остальных. Подчеркивается его нескладность, несуразность, большой размер тела, волосатость и склонность к мелким проделкам. Тем не менее ярко выраженные функции инкуба переводят его образ в более опасную когорту. Народная культура объясняет рождение странных детей (инвалидов) или внебрачную беременность тем, что к женщине ходит *гендруво*, мороча ее, притворяясь кем-то еще, чаще всего реальным мужем, уехавшим на промысел, что типологически родственно славянским народным поверьям об огненном змие, прилетающем на блуд. Тем не менее змеиных черт *гендруво* не имеет. По своему внешнему облику антропоморфный монстр скорее близок великанам-людоедам из яванского театра теней, масок и кукол *ваянг*. Он напоминает антагониста пьес по мотивам индийских эпосов — лесного людоеда *раксасы*. Индонезийское слово *raksasa* санскритского происхождения (*ракиас*, *rākṣasaḥ*, от слова «проклинать», «бранить»). О внешнем сходстве *гендруво* и *раксасы* говорит наличие схожих портретных деталей: клыки, огромный рост и темный (темно-красный) цвет шерсти. В *ваянге* *раксасы* краснокожие, с клыками и вытаращенными глазами, отличаются прожорливостью, кровожадностью и не очень умны. По традиции, также идущей из Индии, в образах *раксас* читаются значения «дикари», «пришлые», «дикие племена», «нецивилизованные».

Для сравнения: фольклору соседней Малайзии известен такой персонаж, как *оранг миньяк* (*orang minyak*), то есть Нефтяной человек. Его отличительными чертами являются иссиня-черный цвет кожи, подчеркнутая дикость поведения и принадлежность к мужскому полу. Этот монстр с размазанной по всему телу нефтью похищает детей и женщин. Если дети плохо ведут себя, то им говорят, что их заберет Нефтяной человек. «Информанты отмечали, что *оранг миньяк* возьмет их в заложники, разрубит их на куски, изнасилует, съест или поработит их. Монстр якобы отрезает детям гениталии для обретения магических сил. Деревенские жители будут охотиться на *оранг миньяк*, чтобы спасти своих жен и детей» (Nicholas, Ganapathy, Mau 2013: 171). Современные малайзийские телефильмы «*Оранг миньяк*» (2007) и «*Легенда: Мечь оранг миньяк*» (2010) показывают этого *ханту* темнокожим, как будто он индеец-тамил и туземец *оранг асли*. «Тенденция демонизировать темнокожих людей не вызывает особенного удивления», — пишет об *оранг миньяк* малайзийская антрополог китайского происхождения Шерил Николас (Nicholas, Ganapathy, Mau 2013: 172). Нарративы о Нефтяном (т. е. черном) человеке, как правило, сводятся к демонизации темнокожего населения Малайзии — индийцев-тамил. Николас делится наблюдениями (подкрепленными детскими воспоминаниями) о том, что современным колоризму и пигментократии Малайзия обязана английской колонизации,

при которой практиковалась расовая сегрегация: социальный статус зависел от цвета кожи. Тем самым монстра *оранг миньяк* можно считать наиболее яркой иллюстрацией образа Другого. Страх перед ним переносится на вымышленного персонажа.

Индонезийский *колор иджо* возникает совсем недавно, в начале 2000-х годов. Как и в случае с *оранг миньяк*, им пугают детей (предупреждая так об опасности стать жертвой сексуального насилия) (Marsha 2018). Образ строится на распространенной народной вере в колдунов-*дукунов* и в обряд обогащения за счет сделки с нечистью (*pesugihan*). Антропоморфное чудовище является медиатором между фольклором и действительностью. Несмотря на то, что образ *колор иджо* изначально — миф. Раскрытие громких дел постсухартовской Индонезии (после 1998 г.) о маньяках, выдававших себя за колдунов, еще больше укрепило образ индонезийского маньяка как способного к превращениям, знающего заклинания и т. д. В 1998 г. Индонезию потрясло дело серийного убийцы Ахмада Сураджи, жертвами которого стали 42 женщины. Действия маньяка были мотивированы его мистическими видениями о необходимости проводить обряды черной магии. В 1998 г. Ахмада поймали и приговорили к смертной казни, и в 2008 г. приговор был приведен в исполнение. Городской фольклор о таких черных колдунах сделал коммерчески выгодным создание сериала о *колор иджо*; образ маньяка-колдуна был раскручен в популярной культуре и укрепился в массовом сознании. В 2014 г. в Проболингго (провинция Центральная Ява) был схвачен некий Буасир Нур Хотиб, серийный маньяк-насильник, получивший кличку *колор иджо*. За десять лет Буасир изнасиловал 31 женщину и ограбил их дома. Перед каждым преступлением он обходил дом жертвы по семь раз и читал сонные заклинания. Полиция вышла на след только в 2014 г., по решению суда насильник получил 16 лет тюрьмы по статьям 365 и 285 Уголовного кодекса Индонезии о воровстве и об изнасиловании.

Колор иджо, как и более «дружелюбный» *гендруво*, является коллективной персонификацией реальной социальной проблемы — высокого уровня изнасилований (по мнению CNN Indonesia, каждый день в стране насилуют восемь женщин) (Tim CNN Indonesia 2019). Фольклор о призраках отражает страхи и комплексы общества, будь то упорное нежелание упоминать о китайском происхождении «предков», обвинения жертв в совершенном над ними насилии (*victim blaming*), либо же перенос расовой ненависти к «темнокожим», как в случае с малайзийским монстром *оранг миньяк*. Традиция объясняет отклонение от нормы одержимостью духами или посещениями демонов, а современность дает мифологический комментарий к актам насилия и убийствам.

Рассказы о *ханту* полны ярких деталей, легко становятся основой для бульварной литературы и эксплуатационного кино; но, помимо этого, они же сохраняют свою функцию рассказа по случаю и чистого

развлечения, например, в виде ритуальных действий с куклой-прорицателем. Детский или взрослый, современный индонезийский фольклор о призраках не только не исчезает, но и продолжает осваивать новые пространства и порождать новые образы и сюжеты.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Большой индонезийско-русский словарь в двух томах / Под ред. Р. Н. Коригодского. М.: Русский язык, 1990. Т. 1. 560 с.; Т. 2. 496 с.

Коригодский Р. Н. Самые обычные чудеса. 13 мистических рассказов об Индонезии // Яванская культура: к характеристике крупнейшего этноса Юго-Восточной Азии. (Малайско-индонезийские исследования, вып. III). М.: Академия наук СССР, Московский филиал географического общества, 1989. С. 77–78.

Лойтер С. М. Русский детский фольклор и детская мифология. Исследования и тексты. Петрозаводск: КГПУ, 2001. 296 с.

Фролова М. В., Лунева А. И. Месть Кунтилианак: индонезийский призрак в современной культуре // Этнография. 2019. № 1 (3). С. 173–192. DOI 10.31250/2618-8600-2019-1(3)-173-192.

Фролова М. В. Почонг: современные фабулаты о зомби в Индонезии // *Studia Litterarum*. 2021. Т. 6, № 1. С. 354–369. DOI <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-1-354-369>.

Adryamarthanino Verelladevanka. Lirik dan Chord Lagu Ondel-Ondel — Benyamin Sueb // Сайт “Kompas”. 11.09.2020. URL: <https://www.kompas.com/hype/read/2020/09/11/113636166/lirik-dan-chord-lagu-ondel-ondel-benyamin-sueb> (дата обращения: 30.03.2021).

Agustiningsih Dheka Dwi, Rostiyati Ani. Kontruksi perempuan dalam film hantu sundel bolong // *Jurnal Penelitian Sejarah dan Budaya*. Mei 2019. Vol. 5. No. 1. pp. 58–76.

Ahmadi Anas. Legenda Hantu Kampus di Surabaya: Kajian Folklor Hantu (Ghostlore) Kontemporer // *Folklore Nusantara*. Hakikat, Bentuk dan Fungsi / Ed. by Dr. Suwardi Endraswara, M. Hum. Jogyakarta, Penerbit Ombak, 2013. Pp. 229–241.

Bwso2015. Nini Thowong: saudara perempuan Jailangkung dari Bantul // *Kaskus*. 24.12.2014. URL: <https://www.kaskus.co.id/thread/549a40f9bfc1756348b4568/nini-thowong-saudara-perempuan-jailangkung-dari-bantul/> (дата обращения: 30.03.2021).

Chan Margaret. Jailangkung: Indonesian spirit-basket divination // *Oxford Handbook of Religion Online*. New York: Oxford University Press, 2018. Pp. 1–28.

Chan Margaret. The Sinophone Roots of Javanese Nini Towong // *Asian Ethnology*. 2017. Vol. 76, No. 1. Pp. 95–115.

Dewi Syifa R. Kata Siapa Suster Ngesot Ada di Rumah Sakit? Orang Suster Ngesot Adanya di Tempat-tempat ini aja... // Сайт “Girlisme”. 15.10.2020. URL: <https://girlisme.com/kata-siapa-suster-ngesot-ada-dirumah-sakit-orang-suster-ngesot-adanya-di-tempat-tempat-ini-aja/> (дата обращения: 30.03.2021).

Downes Meg. Horor Kampungan vesus Moratilas Populer: Mempertanyakan Definisi Film Nasional yang Bermutu // *Jurnal Komunikasi Indonesia*. April 2014. Vol III, No. 1. Pp. 13–24.

Faisol Ahmad. Ritual “Kolo Ijo” Sebelum memperkosa korbannya // Сайт “Kompas”. 30.01.2014. URL: <https://regional.kompas.com/read/2014/01/30/2235155/Ritual.Kolor.Ijo.Sebelum.Memperkosa.Korbannya> (дата обращения: 30.03.2021).

Hadiprayitno Ki Kasidi. Tradisi Wiwit dan Nini Thowong Petani Pundong Bantul Yogyakarta // Folklore Nusantara. Hakikat, Bentuk dan Fungsi / Ed. by Dr. Suwardi Endraswara, M. Hum. Johyakata: Penerbit Ombak, 2013. Pp. 98–111.

Jaelani Doni. Kamis mistis: Kolor Jio, Setan Cabul yang populer di Awal Tahun 2000-an. // Сайт “Duniaku”. 08.03.2018. URL: <https://duniaku.idntimes.com/geek/culture/doni-jaelani/siluman-kolor-ijo> (дата обращения: 30.03.2021).

Jordaan Roy E. The Mystery of Nyai Lara Kidul, Goddess of the Southern Ocean // Archipel, Année. 1984. No. 28. Pp. 99–116.

Kamus Besar Bahasa Indonesia (2018) // Сайт “KBBI-online”. URL: <https://kbbi.web.id/jelangkung> (дата обращения: 30.03.2021).

Kamus Dialek Melayu Jakarta – Bahasa Indonesia / Ed. by Abdul Chaer. Jakarta: Penerbit Nusa Indah, 1976. 412 p.

Kisah Tanah Jawa. Jagat Lelembut / Ed. by Zidan, Madan (Mbak KJ), Genta, D. Bonaventura. Jakarta: GagasMedia, 2019. 204 p.

Marsha Alia. Mitos Kolor Ijo adalah Gambaran Massifnya Pemerksaan di Negara Kita // Сайт “Vice”. 31.10.2018. URL: <https://www.vice.com/id/article/qv9yeb/mitos-kolor-ijo-adalah-gambaran-massifnya-pemerksaan-di-negara-kita> (дата обращения: 30.03.2021).

Nicholas Cheryl L., Ganapathy Radhica, & Mau Heidi. Malaysian Cerita Hantu: Intersections of Race, Religiosity, Class, Gender, and Sexuality // Journal of International and Intercultural Communication. 2003. No. 6 (3). Pp. 163–182. DOI: 10.1080/17513057.2012.712710

Nailufar Nibras Nada. Ondel-ondel Jalanan, Boneka Betawi Yang Kehilangan Sakralitasnya // Сайт “Kompas”. 16.07.2019. URL: <https://megapolitan.kompas.com/read/2019/07/16/06300031/ondel-ondel-jalanan-boneka-betawi-yang-kehilangan-sakralitasnya?page=all> (дата обращения: 30.03.2021).

Nasiri Munaya. Mengenai makna simbolik ondel-ondel // Сайт “CNN Indonesia”. 22.06.2016. URL: <https://www.cnnindonesia.com/hiburan/20160622182515-241-140178/mengenal-makna-simbolik-ondel-ondel> (дата обращения: 30.03.2021).

Rassers Willem H. On the meaning of Javanese drama // Panji, The Culture Hero: A Structural Study of Religion in Java. The Hague: Martinus Nijhoff, 1982. Pp. 1–61.

Sensus Penduduk 2020 // Сайт “Badan Pusat Statistik”. URL: <https://www.bps.go.id/sp2020/> (дата обращения: 30.03.2021).

Sinetron Kolor Ijo Season 1 Episode 1 // Didik Kurniawan Saputra channel. 08.02.2015. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Aq1AxGmcv2U&list=PLTKmPRDAMrHWfDtbsl-PUOsSygtoCvckNy&index=2> (дата обращения: 30.03.2021).

Suparman Fana. Gara-Gara Jelangkung, 25 Murid SD Kesurupan Masal // Сайт “Berita Satu”. 04.09.2014. URL: <http://www.beritasatu.com/aktualitas/207486-garagara-jelangkung-25-murid-sd-kesurupan-masal.html> (дата обращения: 30.03.2021).

Tim CNN Indonesia. Komnas Perempuan: Tiap Hari, 8 Wanita diperkosa di Indonesia // CNN Indonesia. 26.11.2019. URL: <https://www.cnnindonesia.com/gaya->

hidup/20191126131351-282-451567/komnas-perempuan-tiap-hari-8-wanita-diperkosa-di-indonesia (дата обращения: 30.03.2021).

Ulivia. Mitologi Kesenian Nini Thowong // Imaji. April 2018. Vol 16. No 1. Pp. 58–72.

Wessing Robert. A dance of life: The Seblang of Banyuwangi, Indonesia // *Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde*. 1999. Vol. 155. No. 4. Pp. 644–682.

Wikanjati Argo. Kumpulan Kisah Nyata Hantu di 13 Kota. Yogyakarta: Narasi Publ., 2010. 236 p.

Zefan. Ondel-ondel // Сайт “Youtube”. 12.12.2012. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jqTmxQplj6Ehttps://www.youtube.com/watch?v=jqTmxQplj6E> (дата обращения: 30.03.2021).

REFERENCES

Agustiningsih Dheka Dwi, Rostiyati Ani. *Kontruksi perempuan dalam film hantu sundel bolong women construction on sundel bolong ghost film* [Women Construction on Sundel Bolong Ghost Film]. *Jurnal Penelitian Sejarah dan Budaya* [Journal of History and Culture Research], 2019. Vol. 5. No. 1. Pp. 58–76. (In Indonesian).

Ahmadi Anas. Legenda Hantu Kampus di Surabaya: Kajian Folklor Hantu (*Ghostlore*) Kontemporer [Legends about Ghosts on the Campus in Surabaya: A Case-study of Contemporary Ghostlore]. *Folklore Nusantara. Hakikat, Bentuk dan Fungsi* [Nusantara Folklore. Essence, Forms and Functions]. Ed. by Dr. Suwardi Endraswara, M. Hum. Yogyakarta: Penerbit Ombak, 2013, pp. 229–241. (In Indonesian).

Chan Margaret. Jailangkung: Indonesian spirit-basket divination. *Oxford Handbook of Religion Online*. New York: Oxford University Press, 2018, pp. 1–28. (In English).

Chan Margaret. The Sinophone Roots of Javanese Nini Towong. *Asian Ethnology*, 2017, vol. 76, no. 1, pp. 95–115. (In English).

Downes Meg. Horor Kampungan vesus Moratilas Populer: Mempertanyakan Definisi Film Nasional yang Bermutu [Campy Horror versus Popular Morality: Questioning the Definition of a Quality National Film]. *Jurnal Komunikasi Indonesia* [Journal Communication Indonesia], 2014, vol. 3, no. 1, pp. 13–24. (In Indonesian).

Frolova M. V. [Pocong: contemporary zombie stories in Indonesia]. *Studia Litterarum*, 2021, vol. 6, no. 1, pp. 354–369. (In Russian).

Frolova M. V., Luneva A. I. [The Vengeance of Kuntilanak: Indonesian Ghost in Modern Culture]. *Etnografiya*, 2019, no. 1 (3), pp. 173–192. (In Russian).

Hadiprayitno Ki Kasidi. Tradisi Wiwit dan Nini Thowong Petani Pundong Bantul Yogyakarta [The Wiwit Tradition and Nini Thowong of the Peasants from Bantul, Yogyakarta]. *Folklore Nusantara. Hakikat, Bentuk dan Fungsi Nusantara Folklore* [Essence, Forms and Functions]. Ed. by Dr. Suwardi Endraswara, M. Hum. Yogyakarta: Penerbit Ombak, 2013, pp. 98–111. (In Indonesian).

Jordaan Roy E. The Mystery of Nyai Lara Kidul, Goddess of the Southern Ocean. *Archipel*, 1984, no. 28, pp. 99–116. (In English).

Korogodskii R. N. [The Most Ordinary Miracles. 13 Mystical Tales about Indonesia]. *Yavanskaiia kul'tura: k kharakteristike krupneishego etnosa Yugo-Vostochnoi Azii. Seriya Malaisko-*

indoneziiskie issledovaniia [Javanese culture: some characteristics about the biggest ethnic group in Southeast Asia. Malay-Indonesian Studies], vol. 3. Moscow: Akademiia nauk SSSR, Moskovskii filial geograficheskogo obshchestva Publ., 1989, pp. 77–78. (In Russian).

Loiter S. M. *Russkii detskii fol'klor i detskaya mifologiya. Issledovaniya i teksty* [Russian childlore and child mythology. Researches and texts]. Petrozavodsk: KGPU, 2001. (In Russian).

Nicholas Cheryl L., Ganapathy Radhica & Mau Heidi. Malaysian Cerita Hantu: Intersections of Race, Religiosity, Class, Gender, and Sexuality. *Journal of International and Intercultural Communication*, 2013, no. 6 (3), pp. 163–182. (In English).

Rassers Willem H. On the meaning of Javanese drama. *Panji, The Culture Hero: A Structural Study of Religion in Java*. The Hague: Martinus Nijhoff, 1982, pp. 1–61. (In English).

Ulivia. Mitologi Kesenian Nini Thowong [Mythology of the Nini Thowong Art]. *Imaji* [Image], 2018, vol. 16, no. 1, pp. 58–72. (In Indonesian).

Wessing Robert. A dance of life: The Seblang of Banyuwangi, Indonesia. *Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde*, 1999, vol. 155, no. 4, pp. 644–682. (In English).

Submitted: 30.03.2021

Accepted: 04.07.2021

Published: 01.10.2021